

М. М. Евтушенко

**М. И. СЕМЕВСКИЙ И Ф. Г. СОЛНЦЕВ.
НОВЫЕ ДАННЫЕ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ**

(по материалам Пушкинского Дома)

Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) обладает собранием документов М. И. Семевского (ф. 265, 274). Оно представляет собой архивы журнала «Русская старина» и альбома «Знакомые», а также переписку ученого с частными лицами. Эти источники ранее были введены в научный оборот лишь частично. Между тем знакомство с фондом позволяет не только еще полнее воссоздать облик Михаила Ивановича Семевского, но и определить круг его личных и профессиональных связей.

Особенно интересными для нас представляются его взаимоотношения с академиком исторической живописи Федором Григорьевичем Солнцевым, который для трех томов альбома «Знакомые» изготовил четыре рисунка,¹ а для журнала «Русская старина» в 1876 г. составил воспоминания.²

Напомним, что Солнцев приобрел известность в 1830—1850-е гг., когда опубликовал многотомное издание рисунков древнерусских памятников, своеобразную живописную летопись средневековой Руси. По мнению критика В. В. Стасова:³ «Для художественного познания древней Руси рисунки Солнцева, появившиеся в „Древностях Российского Государства“,⁴ имеют такое же громадное значение, как для научного — „История Государства

¹ Т. 1 — «Эскимос на лыжах» и «Портрет Наполеона III», т. 2 — Заставка к журналу «Русская старина» и т. 3 — «Крестьянская семья».

² Солнцев Ф. Г. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. СПб., 1876. Янв. С. 109—128; Февр. С. 311—323; Март. С. 617—644; Май. С. 147—160; Июнь. С. 263—302.

³ Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — археолог, историк, публицист, известный музейный и художественный критик.

⁴ «Древности Российского государства», изданные по Высочайшему повелению Государя Императора Николая I: В 6 т. М.: Тип. А. Семена, 1846—1853.

Российского“ Карамзина. Оба издания явились у нас настоящим откровением».⁵

Точных данных о том, где и когда познакомились уже маститый художник и начинающий издатель, нам обнаружить не удалось. Скорее всего, это случилось в самом начале 1870-х гг., когда вышел в свет первый выпуск «Русской старины» и художник сделал заставку для журнала. Но, несмотря на 37-летнюю разницу в возрасте между ними, их до конца дней связывали чрезвычайно крепкая дружба и плодотворное сотрудничество.

XIX столетие было временем сложения отечественной исторической науки: формировалась ее методология, активно шли сбор и обработка архивных источников. Систематический и целенаправленный характер придавали ей не только ученые, получившие университетское образование, но и широкий круг любителей, к которым примыкали представители различных сословий: духовенства, военных, разночинцев. Многие из них приобрели свои знания самостоятельно. Среди дилетантов, внесших неоценимый вклад в развитие науки, был и М. И. Семевский. Как известно, он начал свою карьеру в качестве военного, а закончил известным публицистом, общественным деятелем и видным ученым-историком.

Еще в 1857 г., будучи 12-летним юношей, Михаил Иванович писал, что масса «талантов гибла у нас на Руси, не возбуждая своим творением сочувствия в деревянной бессмысленной толпе <...> Много из них перемерло в крайней бедности, многие погибли в вине и разврате».⁶

Известный деятель культуры Лев Николаевич Модзалевский (1837—1896) в своих письмах из-за границы называл 25-летнего М. И. Семевского «чрезвычайно порядочным человеком, обладающим силой воли и верно служащим Отечеству».⁷ Он отмечал, что, живя вдали от родины, начал по-новому оценивать свое окружение. «Отсюда, издали, я, кажется, лучше узнал людей, с которыми состоял в близких отношениях: одни полюбились еще больше, другим убавил цены».⁸ Одним из главных критериев оценки людей для Модзалевского стало тогда уважительное отношение к своему родному Отечеству, к своей истории и культуре. Он многократно отмечал, что «европейский двор очень враждебен к славянам, и напрасно многие русские, живущие в Европе, критикуют свое родное и радуются, если „побили русского медведя“»,⁹ а страдания русского народа из-за границы казались ему «чудовищными, какими не казались прежде на родине».¹⁰ Именно Лев Николаевич пытался воспитать в будущем историке острое восприятие «злобы дня». «Мне кажется, — писал он, — что историк, и даже археолог, не должен терять живой связи с современной ему действительностью».¹¹

⁵ Стасов В. В. Памяти Федора Григорьевича Солнцева. Речь, прочитанная в собрании Археологического института 12 марта 1892 г. // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. 9. С. 167.

⁶ РО ИРЛИ, ф. 274 (М. И. Семевский), оп. 1, ед. хр. 41, л. 547.

⁷ Там же, ед. хр. 253, л. 13. Переписка Л. Н. Модзалевского и М. И. Семевского включает 19 писем. См.: Там же, ед. хр. 252—253.

⁸ Там же, ед. хр. 253, л. 16.

⁹ Там же, л. 17.

¹⁰ Там же, ед. хр. 252, л. 25.

¹¹ Там же, ед. хр. 253, л. 2.

Тогда же, с конца 1850-х гг., было положено начало историографических изысканий Семевского. Он много времени стал проводить в архивах Академии наук, Главного штаба и Гос. архиве при Министерстве иностранных дел, где нашел большое количество документов XVIII столетия. Один за другим выходили из-под его пера исторические очерки и монографии, посвященные преимущественно годам царствования Петра Великого.

Но со временем, в том числе и под влиянием Модзалевского, возникло стремление изучать историю в подлинных архивных источниках. Так появилась «Русская старина».¹²

Поскольку редакцией не преследовалась цель строго научной публикации, на страницах журнала публиковался сырой материал — живые свидетельства и подлинные документы автобиографического характера, дневники, записки и мемуары. Сам Михаил Иванович иногда заводил переписку и поддерживал связи с выдающимися людьми своего времени с целью получения новых материалов и часто уговаривал своих знакомых писать воспоминания. Благодаря его настойчивости, часто на склоне лет, за перо брались люди, ранее ничего не писавшие.

Каждый четверг у Семевского как у главного редактора был приемный день, и через его кабинет таким образом прошло немало замечательных личностей. Среди них оказался и Ф. Г. Солнцев, которому в ту пору было более 70, и он уже ничего не сочинял, а рисовал сюжеты, хорошо знакомые и привычные. На склоне лет художник чувствовал себя невостребованным, и Семевский, предлагая ему заказы, очень выручал Федора Григорьевича и в материальном плане, и в способности чувствовать свою необходимость кому-либо, и в возможности общения в редакции журнала с очень значимыми людьми того времени.

В дневниках мастера периода 1880-х гг. часто появлялись записи, которые фиксировали такие моменты. Например: «...работал военную архитектуру для исторического журнала „Русской старины“ М. И. Семевского <...> Собирал старые археологические военные рисунки, нашлось более 70-ти с чертежами».¹³ И на другой странице: «...вечером был у Семевского. <...> Он рекомендует (музеям. — М. Е.) приобрести моих 300 рисунков одежд разных губерний. Тут же господин Свободин объявил, что фабрикант писчебумажной фабрики Павел Павлович Варгунин купил увраж моих рисунков к „Русской старине“ за 600 руб. и желает иметь от меня мой автограф».¹⁴

Записи другого года: «...поехал к Семевскому, отдал ему свой акварельный портрет работы Соколова...»,¹⁵ «...был у М. И. Семевского, отдал ему рисунки воина и боярина конца 14 века, он просил нарисовать ему 2 портрета...»,¹⁶ «...получил 20 руб. от Семевского за рисунок распятого монаха»¹⁷ и т. д. Федор Григорьевич тогда не имел иных заказов.

¹² Первый номер исторического журнала «Русская старина» вышел 1 янв. 1870 г.

¹³ РО ГРМ, оп. 14, ед. хр. 144, л. 180.

¹⁴ Там же, л. 87.

¹⁵ Там же, ед. хр. 140 (1882 г.), л. 18.

¹⁶ Там же, л. 60.

¹⁷ Там же, л. 81.

В отличие от свободных художников, он в дни своей молодости не был полностью самостоятелен в творчестве, так как все его труды были одобрены, утверждены и профинансированы правительством. Однако и материальное положение мастера было устойчивым и более отрядным, чем у многих его современников. Его работы часто тиражировались и были предназначены для широкой публики, и потому долгое время он был независим от конъюнктуры рынка.

Но с уходом императора Николая I, покровительствовавшего мастеру, изменилось и отношение в обществе к тому виду искусства, проводником которого был Федор Солнцев. Жгучий интерес к отечественным древностям постепенно стал иссякать или, точнее, видоизменяться. Публикации подобного рода уже не воспринимались публикой как откровение. При Александре II открылись архивы, цензура стала вести себя много спокойнее. Именно тогда в различных слоях русского общества массовый характер приобрел интерес не только к истории допетровского времени, но и к более поздним эпохам правления Романовых, а также к научному и литературному труду. Многие пытались что-то сочинять. Росло и количество исторических журналов. Однако на фоне «Русской старины» они все же были менее профессиональны.

Несмотря на то что Федор Григорьевич был до глубокой старости окружен выдающимися людьми своего времени, он все же был одинок и потерян. Однако его близкое знакомство с Н. П. Кондаковым,¹⁸ В. В. Стасовым и другими деятелями культуры давало ему возможность консультировать. Иногда к нему обращались с просьбой просмотреть и оценить работы начинающих художников, а также маститых живописцев, если возникали споры о каноничности тех или иных икон, ими написанных. Например, когда Солнцеву принесли в 1888 г. рисунки архитектора В. Набокова, среди которых были изображения аналая и подставки к запрестольному кресту, то мастер заметил, что «на постаменте, почти на полу, нарисованы Кресты, а сказано в Святом Писании, что выше Креста ничего не должно быть».¹⁹

Однако такие эпизоды все же были редки, и Федор Григорьевич всегда с радостью откликался, если его приглашали поработать именно для «Русской старины». Чувствуя потребность в общении с интересным для себя человеком, он зачастую оставался в доме Семевского обедать, обсуждал с ним все, что его тревожило, и «охотно углублялся в живые рассказы и воспоминания о временах Александра I и Николая I и о современных ему русских деятелях...».²⁰

Однажды, это было в 1883 г., художник, как обычно, в четверг, зашел в редакцию журнала, но в этот раз посоветоваться. Дело в том, что тогдашний директор Оружейной палаты в Москве, иностранную фамилию которого не смогли по почерку воспроизвести ни Солнцев, ни Семевский, прислал письмо, в котором сообщал, что в хранилище Министерства Император-

¹⁸ Кондаков Никодим Павлович (1844(46)—1925), историк византийского и древнерусского искусства.

¹⁹ РО ГРМ, оп. 14, ед. хр. 142, л. 87.

²⁰ Тимоцук В. В. Михаил Иванович Семевский — основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность / Предисл. Н. К. Шильдера. СПб., 1895. С. 248 (далее — Тимоцук).

ского двора были найдены рисунки Федора Григорьевича, ранее считавшиеся утерянными. Возможно, они были созданы мастером в 1830—1840-е гг. и не вошли в свое время в «Древности...».²¹ Директор попросту просил Солнцева присовокупить к этому неожиданному собранию свои рисунки костюмов и подарить их Оружейной палате. Это обстоятельство смутило художника, и он не знал, что ему ответить. Пенсия у него была небольшая (по воспоминаниям Семевского — 1500 руб.),²² и Солнцев жил крайне скромно, так как содержал своих многочисленных племянников, т. е. детей и внуков своих покойных братьев. Он не захотел расстаться со своими собственными рисунками, единственным наследством, которое он может оставить своим родственникам. Тем более, с чего бы жертвовать учреждению, пусть даже и крайне полезному для отечественной археологии своими коллекциями, но так небрежно управляемому. Художник был возмущен, что его работы нашлись только сейчас, спустя почти полвека, и что Оружейная палата в свое время не позаботилась о том, чтобы выхлопотать средства на продолжение издания «Древностей...».

Михаил Иванович предложил остроумный выход: отправить рисунки императору Александру III в надежде получить от него какое-либо вознаграждение. «Солнцева не может не огорчать, — писал М. И. Семевский, — то невнимание, которое являют к нему все заправители художественных предприятий в русском стиле в последние десять—пятнадцать лет».²³

В Москве в это время готовилось празднество в честь восшествия на престол нового императора, и Федор Григорьевич, по мысли Семевского, вполне мог быть полезен при подготовке к коронации, «созидая декорации на площадях и улицах». Но его не позвали. Он вообще был крайне обижен тем, что обращались за советом или давали заказы либо молодым, еще неопытным мастерам, либо вообще иностранцам, не знающим древнерусских памятников, которые выражались в одежде, обуви, вооружениях, предметах домашнего быта и др.

Никто не хотел считаться ни с умением, ни с опытом маститого художника. «А между тем, — писал Семевский, — именно он положил основание археологической живописи <...> и все его труды навсегда останутся неиссякаемым источником для вдохновения и подражания живописцам и архитекторам, резчикам и лепщикам, скульпторам, литейщикам и столярам, созидаящим что-либо в области их художества и ремесла действительно в русском вкусе, в русском стиле».²⁴

Федор Григорьевич в свои 80 с лишним лет, по словам Семевского, был бодрым, ясно мыслящим и ясно излагающим, полным сил, энергии и надежд. Когда Михаил Иванович спрашивал своего друга, как ему удалось так себя сохранить до девятого десятка, тот отвечал, что никогда не курил, не пил, ел мало, рано ложился спать и вообще всегда вел жизнь самую уме-

²¹ После смерти Николая I в 1855 г. издание многотомника приостановилось из-за прекращения его финансирования.

²² Сам Ф. Г. Солнцев в дневнике указывает, что на вопрос М. И. Семевского, сколько Федор Григорьевич получает жалования и от кого, тот ответил: «1380 руб. из Кабинета по воле императора Николая I». См.: ОР ГРМ, ф. 14, ед. хр. 140 (1882 г.), л. 169.

²³ См.: *Тимоцук*. С. 246—247.

²⁴ Там же. С. 247.

ренную, в результате чего не только сохранил работоспособность, но даже читал без очков.

Свою благосклонность к «Русской старине» Солнцев выразил тем, что на прекрасном живописном портрете, исполненном его учеником, художником Г. Поляковым, он пожелал увековечить привязанность свою, изобразив себя с книгой этого издания. Копия этого портрета по желанию Федора Григорьевича была исполнена тем же художником для редакции журнала.

Поскольку к первому номеру журнала пришлось долго готовиться и подготовительный период издания затянулся на много лет, Семевский завел у себя обычай собирать в альбом автографы или небольшие заметки и записи тех, с кем он был связан при работе над изданием журнала. Эти записи, а также материалы, не вошедшие в публикации, не должны были пропасть даром. Поэтому с целью сохранения для потомков лиц, которые внесли свой значительный вклад в развитие науки, культуры и общественной жизни, из неопубликованных документов был создан альбом, который называли «Знакомые».²⁵ Его решено было также сохранить как исторический памятник.

Как было отмечено выше, Федор Григорьевич оставил здесь четыре подписных рисунка. Сюжеты их, скорее всего, случайные, но они были очень характерны для руки художника: жанровая сцена из крестьянской жизни, национальный костюм эскимоса и т. п.

В одной из заметок о художнике, написанных Семевским в 1886 г., он, отмечая присущую Солнцеву историко-археологическую верность произведений, в частности, высказывал пожелание художественным музеям как в столице, так и в провинциях, а заодно и владельцам частных собраний озадачиться приобретением работ Ф. Г. Солнцева. Михаил Иванович писал: «...кто знает тонкую, изящнейшую кисть маститого профессора, — тому известно, как глубоко изучены им древнейшие образцы православной церковной иконописи...».²⁶

Умер Ф. Г. Солнцев в глубокой старости 3 марта 1892 г. В газете «Новое время» было помещено следующее объявление: «Племянники и внуки извещают с глубоким прискорбием о смерти профессора Императорской Академии художеств, действительного статского советника Федора Григорьевича Солнцева, скончавшегося внезапно 3-го сего марта в 10 часов вечера. Панихиды в 1 час дня и в 8 часов вечера. Отпевание в церкви Рождества Христова на Песках в 10 часов утра, погребение на Волковом кладбище 6-го сего марта».²⁷ Все центральные газеты и журналы поместили некрологи памяти мастера.

Откликнулся и Михаил Иванович, отметив записью в дневнике: «Известие о кончине 3-го марта в 10 ч. вечера друга моего Ф. Г. Солнцева. Проктовал его некролог».²⁸

Михаил Иванович в письме к своей дочери в Ниццу от 6 марта 1892 г. так описал это событие: «...скончался общий друг нашей семьи — Федор

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, ед. хр. 396—398, 1850—1914.

²⁶ РО ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, ед. хр. 2614, л. 1.

²⁷ Новое время. СПб., 1982. 6 (18) марта. № 5754. С. 3.

²⁸ Некролог был опубликован в биржевой газете: Новости. 1892. № 64. С. 2. М. И. Семевский был на панихиде в час и вечером в 9 часов.

Григорьевич Солнцев. Еще в последний четверг, 27 февраля, он у меня был, бодрый и веселый по обыкновению.

3 марта ездил за пенсией в Гостиный двор; в семь часов вечера был у него гость Далматов, занимающийся собиранием старинных кружев и их рисунков, а в четверть девятого Федор Григорьевич зашатался, прилег, два раза охнул, жалуясь на боль головы, и в 10 час. без четверти скончался, сам закрыв глаза и сложив руку в крестном знамении; умер праведником.²⁹

Семевский всегда считал Федора Григорьевича ангелом-хранителем журнала и считал, что, пока тот жив и посещает редакцию, «Русскую старину» не постигнет никакая беда.

Спустя 6 дней после смерти Солнцева, 9 марта 1892 г., скоропостижно, от крупозного воспаления легких, умер и М. И. Семевский. Он предчувствовал свою смерть и писал в дневнике: «Конец дней моих, увы, кажется, довольно близок, так как по состоянию здоровья чувствую, что скоро переселюсь в тот блаженный край, где нет печали и воздыхания и где прогуливается громадная толпа сотрудников „Русской Старины“, посмертные труды которых украшают страницы этого издания».³⁰

Похоронили Михаила Ивановича Семевского на кладбище Новодевичьего монастыря рядом с дочерью Татьяной, умершей 15 лет от роду в 1888 г.

За панихидой, отслуженной в Археологическом институте по случаю кончины двух почетных его членов, имена новопреставленных Федора и Михаила слились в общей молитве об упокоении их душ.

На рубеже XIX—XX вв. пришла другая эпоха, изменились задачи, стоящие перед художниками и учеными. Искусство, основанное на национальном стиле, с позиций документальной достоверности и археологической точности в деталях постепенно перешло к обобщениям и стилизаторству. Несмотря на то что у истоков этого искусства стоял Ф. Г. Солнцев, оно в самом мастере уже не нуждалось. Хотя именно о нем М. И. Семевский в конце столетия писал: «Нельзя обойти молчанием тех благотворных последствий, которые оказали и продолжают оказывать произведения Ф. Г. Солнцева на изящные искусства и на развитие у нас в России некоторых ремесел. Не минует рисунков Солнцева ни живописец исторический, ни художник-иконописец, ни зодчий, желающий строить в чисто русском стиле <...> Для писателя исторического романа „Древности“ Солнцева — живописная энциклопедия предметов внешней бытовой обстановки удельно-вечевой и московско-царской допетровской Руси во всех мельчайших подробностях. Для отечественного театра — донныне изданное собрание рисунков Солнцева — надежное руководство при постановке пьес, заимствованных из отечественной истории <...> От изящных художеств переходя к мастерствам: столярному, токарному, гончарному, финифтяному, золотых и серебряных дел, — видим, что и они, благодаря трудам того же Солнцева, возросли до высоты народных художеств именно потому, что наши русские мастера отрешились от слепого подражания иноземным образцам <...> Из массы предметов художник выбирал преимущественно один, совмещавший в себе типичные черты эпохи, и изображал его во всех подробностях.

²⁹ Тимоцук. С. 249.

³⁰ Там же.

По масштабам, приложенным Солнцевым к рисункам и чертежам церквей и теремов, можно отстроить эти здания, по выкройкам древних одеяний — их можно сшить с безукоризненной верностью желаемой эпохе; по рисункам предметов столовой утвари можно заказать золотых или серебряных дел мастеру воспроизвести братину, кубок, сулею и т. п. в чисто старинно-русском вкусе».³¹

Можно без преувеличения сказать, что Михаил Иванович Семевский всю свою жизнь без остатка отдал на пользу России. Каждое порученное ему дело он выполнял одинаково безукоризненно и самоотверженно, а в личных отношениях со своими друзьями он всегда готов был прийти на помощь нуждающимся. Достаточно отметить, что после смерти дочери Татьяны чета Семевских удочерила девочку-сироту, назвав ее также Татьяной. И в отношении забытого всеми академика живописи Федора Солнцева он сделал все, чтобы тот на склоне своих лет почувствовал свою необходимость.

³¹ *Семевский М. И.* Речь при поднесении Ф. Г. Солнцеву Большой золотой медали Императорского Археологического общества 20 мая 1876 г. Цит. по: «Молитвослов княгини М. П. Волконской» работы академика живописи Федора Солнцева / Под ред. Г. В. Аксеновой. М.: Скрипторий, 1998. С. 434—437.